

УДК 323

Ирина Борисовна Фан

доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: Irina-fan@yandex. ru

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В РОССИИ: ИСКЛЮЧЕНИЕ «ПОД ПРИКРЫТИЕМ» ВКЛЮЧЕНИЯ¹

В статье рассмотрена проблема причин низкого уровня политического участия граждан в современной России. Эти причины автор связывает с принципами и механизмами политического включения/исключения, на основе которых функционирует политический режим. Понятия включения и исключения в отечественной политической науке исследованы недостаточно. В западной политической науке эти понятия представлены в теории социальной интеграции и дифференциации Н. Лумана, теории гражданства Т.Ч. Маршалла, структурно-функциональном анализе Т. Парсонса, мир-системном анализе И. Валлерстайна. Автор считает, что в России существует собственная модель политического включения/исключения, оказывающая влияние на все сферы общества. В статье исследованы принципы и механизмы политического исключения рядовых граждан, общественных объединений, политических партий, оппозиции из политики как системы политического участия. Автор делает вывод, что политическое исключение нынешним политическим режимом применяется по отношению к гражданам несмотря на институт гражданства и другие формально демократические политические институты. Осуществляется это на основе свойственного российской политической системе «симбиоза» формальных и неформальных институтов посредством множества практик и технологий, зачастую неполитических. Формальные политические институты выступают в качестве «прикрытия» и избирательно используются инструмента для неформальных институтов.

Ключевые слова: политическое участие, политическое включение, политическое исключение, политическое вовлечение, политический институт, формальные и неформальные политические институты, политический режим.

Многие исследователи отмечают низкий уровень политического участия в России, объясняя это разными причинами. На наш взгляд, оптимальному уровню политического участия российских граждан как главному критерию политической модернизации препятствуют не отдельные «остаточные» факторы и условия, унаследованные от прошлого, участие в принципе не вписывается в нынешнюю конфигурацию властвования в России. Политическое участие граждан призвано легитимировать власть. Однако для выполнения этой функции необходимы прочные основы в реальной политической жизни. Выявление причин и механизмов исключе-

---

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта конкурсных исследований ИФиП УрО РАН № 12-11-6-1007 «Общественные науки и модернизационные вызовы в XXI в.».

ния граждан из политики нынешним политическим режимом под лозунги о «вовлечении» и «включении» – тема этой статьи.

Связь понятий «политическое участие» и «включение» фиксируется уже на уровне значений слов естественного языка. Участие – «часть, доля, достояние, имущество», участвовать – «иметь долю, часть, пай в деле, или быть сотрудником, товарищем, помощником в деле; касаться чему-либо вещественно или нравственно...» [9, с. 1115]; включение от включать – «сопричислять», напр., включать в члены. Близким последнему является слово вовлечение от вовлекать – «привлекать к участию в чем-либо» [8, с. 515, 533], «делать частью» (при-частным), приобщать. Политическое включение (инклюзия) как понятие политической науки означает введение кого-либо в состав членов определенной политической общности. Посредством разных форм вовлечения индивида или группы в те или иные виды социально-политической деятельности номинальное включение становится реальным деятельным членством, возникает сопричастность (идентичность) индивида или группы этой общности. И наоборот, исключение (экслюзия) связано с выведением кого-либо из состава членов политической общности как участников политики. Для понимания механизма политического исключения важно зафиксировать связь включения и политического участия: «... политическое участие предстает как качественно иной, практический уровень включенности индивида в политическую жизнь...» [21, с. 28].

Понятия включения и исключения в отечественной политической науке представлены довольно фрагментарно, поскольку тенденция усиления социального и политического исключения больше ощущается нежели осознается. Реальное исключение происходит в скрытых формах, поэтому и проблема исключения не стала предметом полноценной рефлексии и публичного обсуждения. Более разработаны понятия инклюзии и экслюзии в теории социальной интеграции и дифференциации Н. Лумана, созданной с опорой на теорию гражданства Т.Х. Маршалла [28] и структурно-функциональный анализ. Т. Парсонс под инклюзией понимает комплекс моделей социального действия, принимаемых для обеспечения «статуса более или менее полного членства в более обширной и сплоченной социальной системе» [15, с. 49]. Н. Луман считает, что переменная инклюзия/экслюзия связана с системной дифференциацией общества, под влиянием которой меняются условия и критерии инклюзии. «... правила дифференциации представляют собой правила повторения различий между экслюзией и инклюзией в пределах общества...» [15, с. 36]. Он определяет инклюзию как «форму, внутренняя (инклюзивная) сторона которой характеризуется как шанс на социальное признание лиц., а внешняя сторона остается немаркированной. Итак, инклюзия существует лишь тогда, когда возможна экслюзия. Только существование неинтегрируемых лиц или групп высвечивает социальную сплоченность и делает возможным специфицировать условия для нее» [15, с. 35]. Форма проявления различия между правом и бесправием в конкретном контексте зависит от

«предыдущей фильтрации через инклюзию/экслюзию». Исключенное оказывается вне права, а противостоящие ему политика, бюрократия, полиция, военные структуры решают, придерживаться ли им права в отношении исключенных лиц и групп. Аналогично происходит и в политической системе по линии деления правительство/оппозиция. По отношению к оппозиции может применяться иное «право», нежели по отношению к лояльному населению¹.

Ч. Тэйлор тоже видит в демократиях связь «включающей» и «исключающей» политики: с одной стороны, «демократия и, в особенности, либеральная демократия – это великая философия включения», с другой стороны, в демократии есть и исключение как побочный продукт потребности самоуправляющихся обществ в высокой сплоченности, обратная сторона общей идентичности. Сообщество граждан представляет собой «непрерывное коллективное действие, благодаря участию в котором осуществляется ... свобода». Чувство принадлежности, тождественности с членами такого коллектива – это основа внутренней связи между демократией и сплоченными коллективными действиями. Государству нужна лояльность его членов, но это лояльность политической нации как сообществу граждан, а не только элите. Общая лояльность политическому сообществу как культурному, историческому и языковому единству основывается на постоянно возобновляющихся взаимных обязательствах и действиях, порождающих общественное доверие. Ч. Тэйлор считает, что «...исключение ... идет вразрез с легитимационной идеей народного суверенитета, подразумевающей не просто власть народа, а всего народа. Необходимость формирования нации как коллективного субъекта действия противостоит требованию включения в нацию всех, кто имеет законное право на гражданство. Вот источник болезни» [22].

Итак, в любом обществе существует модель включения, социального и политического признания и полной реализации прав одних категорий людей и исключения других. Определенный социальный порядок, действующий на основе системы политических институтов и норм, формируется и воспроизводится по конкретной модели включения/исключения. Инклюзивное – это все, что оправдано, признано в качестве нормы, а эксклюзивное – все, что отклоняется от нормы, что проклято. С усложнением общества трансформируются критерии включения и исключения. Выявление модели включения/исключения представляет определенную трудность, поскольку механизмы исключения чаще всего непрозрачны. Формы и типы исключения исторически многообразны. В современных обществах существуют различные технологии и практики имитации, манипуляции и т.п., затрудняющие осознание этих механизмов.

С помощью определенной модели включения/исключения в обществе происходит дифференциация индивидов и групп, отведение им определенных мест, выдвижение требований, задающих пределы их действий и

---

¹ Подробнее о феномене политической оппозиции см.: [3].

определяющих содержание социальных и политических ролей. Статус индивида в функционально дифференцированных обществах эпохи модерна в отличие от предшествующих эпох оказывается не предписанным, но приобретаемым индивидуально. Модель включения/исключения меняется, она действует не извне, а изнутри, индивидуализируется. Важную роль начинает играть участие индивида в общественной и политической жизни. Однако право индивида добиваться более высокого социального и политического статуса требует все больших усилий от индивида. Усложнение норм функционирования политической системы приводит к росту требований к тем, кто претендует на значимые позиции в этой системе. Одновременно включается механизм отбраковки тех, кто не справляется с выполнением этих требований. Чтобы участвовать в экономической жизни, индивид должен быть правоспособным и обладать достаточным доходом. «Ценой» включенности в политику становится обязанность участия в политических выборах. Человек, не требующий тех или иных прав, оказывается виновным за собственное исключение. Возникают и формы самоисключения. Инклюзия как будто бы становится доминантой и вытесняет эксклюзию. Н. Луман называет это «тоталитарной логикой», стремящейся уничтожить противоположность [15, с. 40]. Принцип включения/исключения реализуется посредством каждого из институтов политической системы и элементов политической культуры.

Одним из фундаментальных политических институтов эпохи модерна является гражданство в национальных государствах. По мнению И. Валлерстайна, институт гражданства выступает в качестве двойного механизма, который, вовлекая определенные категории людей в политику, одновременно исключает другие категории населения в соответствии с критериями, выработанными в рамках определенной политической системы. Основополагающая идея, заключенная в институте гражданства, «по самой своей сути всегда сочетает в себе понятия включенности и исключенности» [2, с. 160]. В целях легитимации процедуры исключения в институте гражданства заложена культурная матрица классификации и дифференциации людей. Эту матрицу, описанную И. Валлерстайном, приводит О.Ю. Малинова: «... понятие гражданин способствовало кристаллизации ... длинного списка бинарных разграничений, образующих культурный фундамент капиталистической экономики XIX и XX вв.: буржуа и пролетарий, мужчина и женщина, взрослый и несовершеннолетний, кормилец и домохозяйка, большинство и меньшинство, белые и черные, европейцы и неевропейцы, образованные и неграмотные, одаренные и беспоталанные, профессионалы и любители, ученые и дилетанты, высокая культура и низкая, гетеро- и гомосексуальность, норма и отклонение от нее, и, конечно же, обобщение всех этих бинарных противопоставлений, – цивилизованный и варвар [16, с. 9].

Таким образом, участие в политике как процесс реализации публичных прав и как возможность влияния на принятие политических решений оказывается обусловленным соответствием каждого потенциального уча-

стника политики определенным требованиям политической системы. Включение означает допуск кого-либо к принятию решений относительно любых ресурсов общества, исключение – не допуск. Возможны и определенные степени ограничения таких допусков, так возникают определенные степени вовлеченности людей в политику.

В последние годы теме эксклюзии по социальному, религиозному, правовому и другим признакам, дискриминации и депривации «неблагополучных» индивидов и групп уделяется все больше внимания [1; 10; 23]. Связь между социальной и политической эксклюзией довольно тесная: все эти люди, как правило, не реализуют свои политические права в силу отсутствия внешних и внутренних ресурсов для этого. Принято считать, что именно институт гражданства – один из основных способов включения граждан и исключения неграждан (мигрантов). Мы предполагаем, что политическое исключение может применяться даже по отношению к собственным гражданам, в рамках формального института гражданства, но осуществляется оно посредством множества институтов, практик, технологий, и не только политических.

Можно принять определение понятия политического вовлечения как «деятельности политических акторов, направленной на расширение политического участия в долговременной перспективе, на обеспечение более или менее постоянной включенности граждан в процесс функционирования политического сообщества» [13]. Политическое исключение, по нашему мнению, представляет собой совокупность формальных и неформальных, явных и скрытых, прямых и косвенных мер и практик, осуществляемых правящей группой – индивидуальными и коллективными акторами, имеющими доступ к государственным ресурсам и структурам и направленных на вытеснение или прямое удаление индивидов или социальных групп из сферы публичного права, управления и принятия решений, политики в целом. Чем больше ограничений, тем меньше степень участия рядовых граждан вплоть до абсолютной невозможности легального конвенционального политического участия. Исключение – обратная сторона включения, их взаимосвязь составляет фундаментальное метаразличие, составляющее основу политического режима и его влияния на экономику и другие сферы жизни людей. Включение/исключение предстает в качестве конкретно-исторического принципа и механизма формирования общностей, групп и одновременно внутреннего структурирования общностей, выделения в них управляющих и исполнительских структур, способ отбора, дифференциации, разделения общества и властвования над ним, а также способа формирования элиты. Его основу составляет комплекс содержательных критериев, сформированных в коды. Этот механизм селекции имеет институциональную и ценностную стороны. Идеология как специфический элемент культуры вырабатывает критерии включения и исключения как способ различения своих и чужих, господствующих и подчиняющихся, равных между собой и эксплуатируемых, тех, кто будет обладать полным объемом политических и иных прав, а кто – ограниченным.

По отношению к рядовым гражданам и оппозиции возможны включающие политические режимы и исключающие, когда исключенным из участия в политике оказывается почти все общество за вычетом правящей группы. Это связано и с соотношением эгалитарного и элитарного принципов формирования общностей, о котором нам доводилось писать [24].

Попытаемся наметить контуры модели включения/исключения, которая лежит в основе действующего политического режима в России и определяет структуру возможностей участников политики. Социологические исследования фиксируют эффекты исключения в функционировании политических институтов в России. Работы исследовательского комитета по институциональным исследованиям (ИКИИ РАН) позволяют всесторонне представить институциональные условия и перспективы развития политического участия в России, связанные с состоянием политической системы и доминирующими тенденциями ее функционирования [12; 7]. Необходимо учитывать различные формы активности граждан. С.В. Патрушев выделяет два типа гражданской активности: 1) гражданское участие, или пассивная адаптивная деятельность граждан по воспроизводству политических институтов; 2) гражданское действие – активная деятельность, направленная на трансформацию политических институтов [17, с. 36]. Невысокие показатели политического участия свидетельствуют о «недостаточной институционализации арен участия», об их использовании от случая к случаю. Наблюдающиеся всплески политической активности совпадают с национальными выборами, что говорит о «мобилизационном характере участия не только на электоральной, но и на других аренах участия» [11, с. 217-218].

Понятия включения и исключения использует Л.Е. Филиппова при исследовании динамики политических институтов в России и стратегии поведения институциональных «инсайдеров» и «аутсайдеров». Существуют два уровня стратегии – организационный, то есть стратегия инсайдеров по отношению к гражданам, и уровень норм, то есть стратегия по отношению к новой информации. Автор считает, что направленность на «исключение» – нормальное состояние институтов, являющееся условием их устойчивости. Спецификой гражданского или политического действия является его инклюзивность, то есть способность к созданию новых форм гражданского участия и изменению действующих политических институтов [25, с. 52].

Низкий уровень вовлеченности граждан в функционирование политических институтов, по мнению А.Д. Хлопина, обусловлен кликократией, присущей российской политической системе, и рассогласованием должного и сущего в политической культуре населения. Институциональная сфера общества характеризуется глубоким и устойчивым разрывом между формальными правилами и реальными практиками их функционирования. Неформальные отношения во властных институтах делают невозможным развитие стратегий гражданского действия, направленного на трансформацию институциональной среды [27, с. 232].

Большинство граждан не обладают достаточными ресурсами для оказания влияния на общественные и политические институты. Происхо-

дит «усиление исключенности», индивиды лишаются статуса участников политического процесса и не приобретают статуса акторов [26, с. 263]. Рост уровня протестного голосования и отказ части граждан от участия в выборах вызвал такое изменение избирательного законодательства со стороны власти, что эти стратегии поведения граждан, направленные на изменение института и процедур выборов, оказались практически бессмысленными. Политические институты становятся не включающими, открытыми, а исключаящими и закрытыми для доступа рядовых граждан и социальных групп, имеющих отличные от власти представления о демократии. Политики, действующие от имени государства, публично не признают фактического исключения граждан РФ из сферы политики. Однако кумулятивный негативный эффект от многообразия мер – подзаконных актов, процедур, применения санкций или угроз их применения, практик, затрудняющих политическое участие в любых его формах, особенно активных, просто огромен. Он свидетельствует о том, что реальное исключение большинства граждан из политики осуществляется целенаправленно и последовательно.

Формальные критерии исключения можно выявить при анализе содержания официального дискурса, представленного в СМИ, подконтрольных власти. Данный дискурс фрагментарен и эклектичен, однако за слоем либерально-демократической риторики просматривается целевая направленность. Его смысловое поле образуется двумя рядами понятий и ценностей – утверждающих норму и осуждающих отклонения, подлежащие контролю и вытеснению. Однако норма здесь предстает как двойной стандарт – должного и сущего, формального и неформального, всеобщего (для населения) и элитарного. Набор «нормального» таков: государство, порядок, государственный суверенитет, национальная (читай, правящей группы) безопасность, стабильность, «управляемая демократия», патриотизм, опора на традиции и православие. В ряд отклонений от нормы попадают «внесистемная» оппозиция, политическая конкуренция, критическое отношение к власти, любые политические амбиции и стремление к политическому участию, атеизм, всякий не государственно и не православно ориентированный патриотизм (он маркируется как антипатриотизм), либерализм (не имитационный), почти любая не православная религиозность. Политическая оппозиция и ее лидеры рассматриваются в качестве источника массовых беспорядков, экстремизма, радикализма, терроризма. На практике они преследуются под предлогом финансовых или иных не политических преступлений. Такова «нормативная семантика» дискурса власти, под государственной символикой прячущего интересы правящей группы.

Основные тенденции динамики уровня политического участия россиян систематически отслеживаются в исследованиях Левада-центра. Уровень политического участия связан с интересом к политике, возможностью общественного контроля за действиями властей, влияния на принятие государственных решений, на исход выборов, с готовностью к ак-

тивному политическому действию, со степенью причастности гражданина государству, с правовой, моральной и политической ответственностью гражданина за деятельность государства. По всем этим параметрам фиксируются низкие показатели: у большинства населения наблюдается слабый «пассивный» интерес к политической жизни; неверие в возможность влиять на политику, преобладание пессимизма и фатализма в отношении политического участия и возможности отстаивания гражданских и политических прав. Основой отношения российских граждан к власти является политическое и моральное отчуждение [14, с. 13]. Отчуждение, на наш взгляд, есть результат замаскированной декларациями («о необходимости гражданской социализации и выработки активной гражданской позиции») последовательной стратегии исключения рядовых граждан из политики.

Исключение осуществляется в целях ограничения политических прав и свобод посредством использования экономических, правоохранительных и иных рычагов давления. Попытаемся разобраться, как действует механизм исключения «под прикрытием» включения. Современный российский политический режим В.Я. Гельман называет электоральным авторитарным режимом: «... на протяжении всего постсоветского периода спрос граждан на политические перемены присутствовал как минимум в латентной форме, и власти последовательно и систематически старались избавиться от вызовов режиму *status quo* путем выстраивания высоких барьеров входа на политический рынок, умелого использования тактики «разделяй и властвуй», кооптации в истеблишмент в качестве «попутчиков» одних политических игроков и исключения из него других *etc.*» [6, с. 67]. Формальный институт выборов был лишь фасадом неформальных институтов властвования. В.Я. Гельман вскрывает пружины и механизмы неформальной институционализации в России, анализирует причины доминирования «подрывных» неформальных институтов. Неформальные институты – клиентелизм, коррупция, клановая политика, схемы ухода от налогообложения, селективное применение права государственным аппаратом, блат, манипулятивные механизмы приватизации, государственное рейдерство, непрозрачное финансирование партий и выборов и многое другое – подменяют собой формальные правила, вызывая негативные эффекты [5, с. 7]. Сюда же относится и «размытая законность» (извращение сути законов посредством широкого делегирования полномочий и селективного применения санкций), и использование лазеек и умолчаний в законах о выборах, их произвольное толкование членами избирательных комиссий, предоставление последним права выработки решений, принимаемых, как правило, в пользу проправительственных партий и кандидатов, зависимость избирательных комиссий от местных властей, оценка результатов их работы по доле голосов, поданных за «Единую Россию». Монополизация политической жизни в последние 14-15 лет сопровождалась трансформацией избирательного законодательства в сторону «допуска» своих и создания множества барьеров для оппозиционных партий и кандидатов как чужих. Политический институт выборов в России в на-

стоящее время действует как исключаящий как минимум для трети населения, недаром эта часть граждан не считала последние парламентские и президентские выборы легитимными [20; 19]. Эта треть граждан не только не имеет своих представителей в парламенте, но и не может реализовать многие другие политические права и свободы. Она просто выдавливается из сферы возможного политического участия, не говоря уже о политическом действии.

«Логика неформального управления» в России как всегда эксклюзивна. Несправедливая конкуренция в условиях электорального авторитаризма оказывается официально закреплена законом и санкционирована и системой норм, и государственным аппаратом, обеспечивающими «нужный исход голосования». Неформальное управление электоральным процессом прямо основано на формальных институтах избирательного права [5, с. 9]. Формальные и неформальные институты находятся в сложном переплетении, симбиозе. Это не две стороны медали, а «оболочка» и «ядро», определяющее характер функционирования этих институтов в процессе неформального управления. Неформальные институты паразитируют на формальных. Этот симбиоз обеспечивает систематическую порчу институтов [5, с. 10] и составляет специфику нынешнего политического режима в России. Формальные институты – парламент, многопартийная система, конкурентные выборы – выступают в качестве фасада, предназначенного легитимировать политический режим и создавать видимость политического представительства и конкуренции, то есть якобы существующего вовлечения, допуска, «входа» оппозиции и рядовых граждан в политику. Итогом последовательного выстраивания такого режима стало установление авторитарного господства и безусловного подчинения, вынужденная лояльность элит и масс Кремлю, глубокое отчуждение граждан от участия в политике.

Формальные политические институты как универсальные нормы и санкции, стимулирующие определенное политическое поведение, функционируют именно как механизм включения/исключения. Таков, например, институт гражданства в развитых демократиях. Неформальные институты, действующие в интересах конкретного слоя общества, априорно не универсальны, партикулярны и непрозрачны, поэтому механизм включения/исключения в них определяется неписаными и произвольными правилами. Когда в обществе доминируют формальные институты, граждане могут ощущать присутствие универсального права, его верховенства и равенства всех перед законом. Становление нынешнего политического режима в России осуществлялось посредством «неформальной институционализации», то есть вытеснения формальных институтов неформальными [4, с. 6]. Эффект от действия неформальных правил и процедур исключения оказывается двойным, поскольку произвольность данного процесса приобретает всеобщий характер: во-первых, исключаются все силы, способные оппонировать правящей группировке, во-вторых, все временно не подконтрольные власти формальные институциональные условия постепенно «заражаются» неформальными «правилами игры», транслируя

процесс неформального исключения в обозримое будущее. Вместе с этим подавляются и многие культурно-символические и идеологические предпосылки формирования политической субъектности в обществе. Конечно, это тенденция, которую трудно реализовать до конца, и в этом основа для относительного оптимизма. Явное и массовое политическое исключение – способ подрыва легитимности режима. Но так уж действует российская политическая система: под декларацией о демократичности институтов власти, необходимости повышения вовлеченности граждан, и особенно молодежи, в политику, из ее поля реально исключаются не только актуальные оппозиционеры, но даже и структура возможностей для возникновения какой-либо политической активности.

Одним из инструментов исключения является «прикладная» идеология как «способ восприятия тех или иных проблем применительно к политическому курсу в той или иной сфере» [4, с. 12] и как фильтр отбора и обработки информации. Прикладная идеология не нацелена на изучение социальных проблем по каналам обратной связи, на исследование долгосрочных тенденций и выработку стратегии развития страны, расчет социальных последствий и эффективности тех или иных законопроектов или мер. Она «заточена» на проведение интересов правящей группы, учет управленческой конъюнктуры и «тушение пожарных ситуаций» путем изучения противников и оппонентов должностных лиц. Эклектичная прикладная идеология играет роль матрицы для механизма включения/исключения и оправдания произвольного устранения противников. В последние годы правящий режим «зачищал» пространство даже потенциального легального политического участия путем принятия поправок в законы о политических партиях, общественных объединениях, установления контроля над СМИ, применения манипуляций, создания имитирующих структур. В результате принятия закона «Об общественных неправительственных организациях» (2006) усложнилась их деятельность в связи с введением множества финансовых и других барьеров. Общественные объединения были лишены возможности влиять на политику. Результатом ряда поправок в избирательное законодательство стало снижение гражданской активности и усиление политического отчуждения граждан. Принятие нового закона «Об общественных объединениях» («иностранных агентах») 2012 г. подрывает доверие населения к любым объединениям, лишает его остатков веры в эффективность солидарных действий даже в целях решения собственных проблем. «Уход» с публичных площадок, «неучастие» стали главными «стратегиями» политического поведения граждан. Нынешний политический режим методично препятствует «входу» любых альтернативных субъектов на политическую сцену. Несанкционированное политическое участие в силу этого становится более затратным и рискованным.

Между формальными и неформальными институтами в рамках избирательного процесса происходит сложное взаимодействие. Формальные институты стали средством селективного наказания нелояльных партий и

кандидатов [4, с. 16-21], фактически исключая их из предвыборной борьбы в качестве серьезных альтернативных участников. Следствием этого является исключение из политики тех групп избирателей, чьи интересы альтернативные кандидаты могли бы представлять в органах представительной власти или политических партиях. Одна из форм исключения из предвыборной борьбы и политики – отказ оппозиционерам в регистрации. Формальные политические (экономические, правовые и т.д.) институты таким образом служат необходимым легальным «прикрытием» для неформальных институтов, которые и являются реальными способами принятия политических решений и выработки способов их воплощения. Без такого легитимирующего «прикрытия» со стороны формальных институтов политический режим выглядел бы абсолютно одиозным.

Институционализация политического участия, начиная с 1996 г. и по сей день, под лозунгами укрепления политической стабильности осуществлялась исключительно в целях сохранения действующего режима. Для этого институты политического участия отлаживались с ориентацией на формирование исключительно лояльных граждан и форм активности и на исключение нелояльных. В силу этого любая даже вполне легальная политическая конкуренция, реальное, не подконтрольное президенту и правительству оппонирование власти по общественно значимым проблемам, скажем в парламенте, было немислимым. Причем лояльность с точки зрения правящей группы – это не просто законопослушание, это безусловное подчинение любым распоряжениям и решениям властей. Все попытки публичного обсуждения острых проблем, претензии на альтернативные поправки к законопроектам, партии, движения, любые формы отстаивания свободы информации, митингов и демонстраций отвергались. Все эти легальные формы конвенционального политического участия рассматривались властью как враждебные и недопустимые: никакой самоорганизации граждан, автономии общественных и политических организаций от государства, никакой политической конкуренции.

Вовлечение граждан в политическую деятельность партий, общественных объединений – одна из основных функций демократии и один из показателей демократичности политической системы, способ и «цена» легитимации политического режима. Осуществление этого процесса зависит от направленности функционирования всех элементов политической системы: политических институтов, политических норм, стратегий политических акторов, типа легитимности, политического сознания и политической культуры общества. Опасения, высказываемые несколько лет назад относительно негативных эффектов от «низкого уровня политической вовлеченности граждан» и «дефицита институциональных форм неэлекторального участия», чреватых углублением политического отчуждения и ростом неконвенционального протестного активизма» [13], в настоящее время подтвердились. Политика утратила публичный характер, политические решения принимаются без опоры на систематическую обратную связь с обществом, без политической конкуренции во время избиратель-

ных кампаний и между ними. Предопределенность исхода выборов не просто снижает мотивацию масс к электоральному участию, она вообще обесмысливает и выборы, и демократию в целом. Постоянный пересмотр законодательных норм о не электоральных формах участия граждан (политических партиях, общественных объединениях и т.д.) в совокупности с катастрофической бюрократизацией государственного управления, а также с целенаправленным введением процедур, прямо затрудняющих осуществление гражданами этого участия, – все это ставит перед печальным выводом о двойных стандартах государственной политики. Разрыв между словом и делом обретает поистине удручающий характер. «Слово» (квазиидеология, дискурс власти) нацелено на прямой обман большинства населения, а «дело» осуществляется в интересах правящего класса путем исключения граждан и их объединений из политического процесса.

Декларативная заинтересованность государства в электоральной активности граждан, характерная для 1990-х гг., в 2000-е гг. угасла. Механизмы реализации массовой электоральной и неэлекторальной активности (участия) систематически выхолащивают, дробят, нивелируют и обесмысливают любые формы не только политического, но даже гражданского и общественного участия. Получается, что цели «стабилизации политического порядка» и «управляемости» достигаются в ущерб развитию форм политического и иного участия, начал самоуправления, гражданского общества и т.д. Консервативная тенденция доминирует и сковывает развитие, отбрасывая общество к архаичным формам существования, культуры и самосознания, к расширению авторитаризма. По сути это демодернизация.

Партийная система не выполняет функций представительства интересов различных социальных групп. Политическая социализация направлена на формирование исключительно лояльных власти граждан и не допускает возможность критики власти или иных мнений по поводу решения тех или иных задач управления обществом. Учреждаемые властью структуры имитируют все – партии, оппозицию, молодежные движения. Но все это работает на мобилизацию поддержки правящей группы, нежели на вовлечение в систему реального политического участия. Так называемая системная, парламентская оппозиция – один из элементов этой химерической конструкции. Реальный эффект деятельности парламента состоит в том, что он парализует возможность «внесистемных» политических партий реализовывать функцию вовлечения граждан в политику. Низкий уровень доверия граждан по отношению ко всем политическим институтам, кроме президентства, соответствует их низкой готовности к политическому участию. Это результат неверия граждан в возможность влияния на политический процесс и принятие политических решений. Отсутствие смысла политического участия для граждан – главный критерий негативной и временной эффективности этой квазиполитической конструкции, индикатор ее реально недемократического характера. Это скрытое исключение граждан из политики осуществляется постепенно и неотвратимо как специальная операция, осуществляемая «под прикрытием» формально де-

мократических институтов. «Системные» политики часто за просчеты правительства, парламента, других органов власти возлагают ответственность на рядовых граждан, ссылаясь на выборы. Эти ссылки являются не просто лукавством, но прямым обманом, поскольку «самостоятельность» волеизъявления граждан не обеспечена институционально. Невостребование собственных прав с точки зрения официального дискурса оказывается виной рядовых граждан, хотя политическое бездействие, как мы знаем, базируется на апатии масс, которая сознательно культивируется и совокупностью неформальных институтов, механизмов, практик, и технологий управления, и массовой культурой.

Все формальные политические институты, процедуры и механизмы, в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации нацеленные на расширение политического участия – парламент, политические партии, общественные объединения – вкупе с неформальными институтами власти представляют собой специфическую конструкцию, имитирующую вовлечение граждан в политику и управление, но фактически действующую в обратном направлении. Работает эта конструкция как машина целенаправленного, фронтального, но скрытого и разделенного на мелкие процедуры и практики вытеснения граждан и их объединений из всех даже потенциальных политических площадок, оттеснения от любых форм и способов участия в политике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абрахамсон П.* Социальная эксклюзия и бедность // ОНС : Обществ. науки и современность. 2001. № 2. С. 158-166.
2. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI в. / пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М. : Логос, 2004. 368 с.
3. *Гаврилов Г.А.* Феномен политической оппозиции: теоретический аспект // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2002. Вып. 3. С. 217-228.
4. *Гельман В.Я.* Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // ПОЛИС : Полит. исслед. 2003. № 4. С. 6-25.
5. *Гельман В.Я.* «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Полития. 2010. № 2(57). С. 6-24.
6. *Гельман В.Я.* Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития. 2012. № 4(67). С. 65-88.
7. Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред. колл.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. М. : Рос. акад. полит. наук (РАПН) ; Рос. полит. энц. (РОССПЭН), 2011. 318 с.
8. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1 / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М. : Цитадель, 1998. 944 с.
9. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4 / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М. : Цитадель, 1998. 832с.
10. *Дмитриева А.В.* Социальное включение/исключение как принцип структуризации современного общества // Социолог. журн. 2012. № 2. С. 98-114.
11. *Завадская М.А.* Арены участия: Россия в европейском контексте // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред. колл. : С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. М. : Рос. акад. полит. наук (РАПН) ; Рос. полит. энц. (РОССПЭН), 2011. С. 201-216.

12. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М. : Ин-т социально-полит. наук РАН, 2006. 590 с.
13. Кузин О.Ю. Вовлечение граждан в политическую жизнь общества в условиях посткоммунистической трансформации России [Электронный ресурс] : дис. ... канд. полит. наук URL: <http://www.disscat.com/content/vovlechenie-grazhdan-v-politich...> (дата обращения: 27.05.2013).
14. Левада Ю. Общественное мнение в политическом зазеркалье // Вестн. обществ. мнения. 2006. № 2(82). С. 7-17.
15. Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратов. М. : Логос, 2006. 320 с.
16. Малинова О.Ю. Гражданство и политизация культурных различий. Размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии // ПОЛИС : Полит. исслед. 2004. № 5. С. 7-17.
17. Патрушев С.В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // ПОЛИС : Полит. исслед. 2009. № 6. С. 24-32.
18. Патрушев С.В. Типы гражданской активности // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред. колл.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. М. : Рос. акад. полит. наук (РАПН) ; Рос. полит. энц. (РОССПЭН), 2011. С. 35-38.
19. Президентские выборы в России 2012: постэлекторальный анализ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Levada.ru/books/presidentskie-vyboru-v-rossii-2012-goda>. (дата обращения: 27.05.2013).
20. Россияне о прошедших выборах и перспективах протестного движения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/print/01-04-2-12/rossiyane-o-proshedshikh-vyborakh-i-perspektivakh-protestnogo-dvizheniya.htm> (дата обращения: 27.05.2013).
21. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии : учебник. М. : Аспект-Пресс, 2000. 559 с.
22. Тэйлор Ч. Демократическое исключение (и «лекарство» от него?) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a061.htm> (дата обращения: 27.06.2013).
23. Степанова Е.А., Ефлова М. Социальная эксклюзия заключенных и экс-заключенных в России // Власть. 2012. № 1. С. 85-89.
24. Фан И.Б. Апатия вместо жажды: свобода и справедливость в жизни российского гражданина // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2011. Вып. 11. С. 270-283.
25. Филиппова Л.Е. Институциональное включение/исключение // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред. колл.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. М. : Рос. акад. полит. наук (РАПН) ; Рос. полит. энц. (РОССПЭН), 2011. С. 51-55.
26. Филиппова Л.Е. Стратегии институциональных изменений // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред. колл.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. М. : Рос. акад. полит. наук (РАПН) ; Рос. полит. энц. (РОССПЭН), 2011. С. 260-270.
27. Хлопин А.Д. Гражданская вовлеченность в социуме клин: потенциал институциональной трансформации // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред. колл.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. М. : Рос. акад. полит. наук (РАПН) ; Рос. полит. энц. (РОССПЭН), 2011. С. 217-230.
28. Marshall T.H. Class, Citizenship and Social Development. Garden City; New York : Doubleday & Company, 1964. 356 p.

Материал поступил в редколлегию 06.08.2013 г.

Irina B. Fan, Doctor of Political Science, senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg.
E-mail: Irina-fan@yandex.ru

POLITICAL PARTICIPATION IN RUSSIA: EXCLUSION UNDER “CAMOUFLAGE” OF INCLUSION

Abstract: The article observes the reasons of low level of political participation of citizens in modern Russia. The author attributes these reasons to principles and mechanisms of political inclusion/exclusion, which form the basis of the functioning of political system. There is a lack of studies of the concepts of inclusion and exclusion in Russian political science. In Western political science, these notions are presented in theory of social integration and differentiation of N. Luhmann, theory of citizenship of T.Ch. Marshall, structural-functional analysis of T. Parsons, world-systems analysis of L. Wallerstein. The author is convinced that Russia has its own model of political inclusion/exclusion, which affects all spheres of society. The article explores principles and mechanisms of political exclusion of ordinary citizens, public associations, political parties, as well as examines political opposition as system of political participation. The author concludes that current political regime explores political exclusion towards its own citizens despite the institute of citizenship and other formal democratic political institutions. It is done on the basis of the "symbiosis" of formal and informal institutions through a variety of practices and technologies that often have non-political character, which is typical for Russian political system. Formal political institutions act as "camouflage" and instruments of informal institutions, which are used selectively.

Keywords: political participation, political inclusion, political exclusion, political engagement, political institutions, formal and informal political institutions, political regime.

*The transliteration of the list of literature
(from the cirillic to the latin symbols) is submitted below*

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

1. Abrahamson P. Social'naja jekskljuzija i bednost' // ONS : Obshhestv. nauki i so-vremennost'. 2001. № 2. S. 158-166.
2. Vallerstajn I. Konec znakomogo mira: Sociologija XXI v. / per. s angl. pod red. V.I. Inozemceva. M. : Logos, 2004. 368 s.
3. Gavrilov G.A. Fenomen politicheskoj oppozicii: teoreticheskij aspekt // Nauch. ezhegod-nik In-ta filosofii i prava Ural. ot-d-nija Ros. akad. nauk. 2002. Vyp. 3. S. 217-228.
4. Gel'man V.Ja. Institucional'noe stroitel'stvo i neformal'nye instituty v sovremennoj ros-sijskoj politike // POLIS : Polit. issled. 2003. № 4. S. 6-25.
5. Gel'man V.Ja. «Podryvnye» instituty i neformal'noe upravlenie v sovremennoj Rossii // Politija. 2010. № 2(57). S. 6-24.
6. Gel'man V.Ja. Rascvet i upadok jelektoral'nogo avtoritarizma v Rossii // Politija. 2012. № 4(67). S. 65-88.
7. Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoj Rossii: vosproizvodstvo i trans-formacija institucional'nogo porjadka / [red. koll.: S.V. Patrushev (otv. red.), S.G. Ajvazova, P.V. Panov]. M. : Ros. akad. polit. nauk (RAPN) ; Ros. polit. jenc. (ROSSPJeN), 2011. 318 s.
8. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka. V 4 t. T. 1 / pod red. I.A. Bodu-jena de Kurtenje. M. : Citadel', 1998. 944 s.
9. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka. V 4 t. T. 4 / pod red. I.A. Bodu-jena de Kurtenje. M. : Citadel', 1998. 832s.
10. Dmitrieva A.V. Social'noe vključenje/isključenje kak princip strukturacii sovremen-nogo obshhestva // Sociolog. zhurn. 2012. № 2. S. 98-114.

11. *Zavadskaja M.A.* Areny uchastija: Rossija v evropejskom kontekste // *Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoj Rossii: vosproizvodstvo i transformacija institucional'nogo porjadka* / [red. koll. : S.V. Patrushev (otv. red.), S.G. Ajvazova, P.V. Pa-nov]. M. : Ros. akad. polit. nauk (RAPN) ; Ros. polit. jenc. (ROSSPJeN), 2011. S. 201-216.
12. *Institucional'naja politologija: Sovremennyj institucionalizm i politicheskaia transformacija Rossii* / pod red. S.V. Patrusheva. M. : In-t social'no-polit. nauk RAN, 2006. 590 s.
13. *Kuzin O.Ju.* Vovlechenie grazhdan v politicheskiju zhizn' obshhestva v uslovijah postkommunisticheskoj transformacii Rossii [Elektronnyj resurs] : dis. ... kand. polit. nauk. URL: <http://www.disscat.com/content/vovlechenie-grazhdan-v-politich...> (data obrashhenija: 27.05.2013).
14. *Levada Ju.* Obshhestvennoe mnenie v politicheskom zazerkal'e // *Vestn. obshhestv. mnenija*. 2006. № 2(82). S. 7-17.
15. *Luman N.* Differenciacija / per. s nem. B. Skuratov. M. : Logos, 2006. 320 s.
16. *Malinova O.Ju.* Grazhdanstvo i politizacija kul'turnyh razlichij. Razmyshlenija po povodu nekotoryh tendencij v anglojazychnoj politicheskoj filosofii // *POLIS : Polit. issled.* 2004. № 5. S. 7-17.
17. *Patrushev S.V.* Grazhdanskaja aktivnost': institucional'nyj podhod (perspektivy issledovanija) // *POLIS : Polit. issled.* 2009. № 6. S. 24-32.
18. *Patrushev S.V.* Tipy grazhdanskoj aktivnosti // *Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoj Rossii: vosproizvodstvo i transformacija institucional'nogo porjadka* / [red. koll.: S.V. Patrushev (otv. red.), S.G. Ajvazova, P.V. Panov]. M. : Ros. akad. polit. nauk (RAPN) ; Ros. polit. jenc. (ROSSPJeN), 2011. S. 35-38.
19. *Prezidentskie vybory v Rossii 2012: postjelektoral'nyj analiz* [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.levada.ru/books/prezidentskie-vybory-v-rossii-2012-goda.> (data obrashhenija: 27.05.2013).
20. *Rossijane o proshedshih vyborah i perspektivah protestnogo dvizhenija* [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.levada.ru/print/01-04-2-12/rossijane-o-proshedshikh-vyborakh-i-perspektivakh-protestnogo-dvizheniya.htm> (data obrashhenija: 27.05.2013).
21. *Solov'ev A.I.* Politologija: Politicheskaja teorija, politicheskie tehnologii : uchebnik. M. : Aspekt-Press, 2000. 559 s.
22. *Tjejtlor Ch.* Demokraticeskoe iskljuchenie (i «lekarstvo» ot nego?) [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a061.htm> (data obrashhenija: 27.06.2013).
23. *Stepanova E.A., Eflova M.* Social'naja jekskljuzija zakljuchennyh i jeks-zakljuchennyh v Rossii // *Vlast'*. 2012. № 1. S. 85-89.
24. *Fan I.B.* Apatija vmesto zhazhdy: svoboda i spravedlivost' v zhizni rossijskogo grazhdanina // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-nija Ros. akad. nauk*. 2011. Vyp. 11. S. 270-283.
25. *Filippova L.E.* Institucional'noe vkljuchenie/iskljuchenie // *Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoj Rossii: vosproizvodstvo i transformacija institucional'nogo porjadka* / [red. koll.: S.V. Patrushev (otv. red.), S.G. Ajvazova, P.V. Panov]. M. : Ros. akad. polit. nauk (RAPN) ; Ros. polit. jenc. (ROSSPJeN), 2011. S. 51-55.
26. *Filippova L.E.* Strategii institucional'nyh izmenenij // *Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoj Rossii: vosproizvodstvo i transformacija institucional'nogo porjadka* / [red. koll.: S.V. Patrushev (otv. red.), S.G. Ajvazova, P.V. Panov]. M. : Ros. akad. polit. nauk (RAPN) ; Ros. polit. jenc. (ROSSPJeN), 2011. S. 260-270.
27. *Hlopin A.D.* Grazhdanskaja vovleченность' v sociume klik: potencial institucional'noj transformacii // *Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoj Rossii: vosproizvodstvo i transformacija institucional'nogo porjadka* / [red. koll.: S.V. Patrushev (otv. red.), S.G. Ajvazova, P.V. Panov]. M. : Ros. akad. polit. nauk (RAPN) ; Ros. polit. jenc. (ROSSPJeN), 2011. S. 217-230.
28. *Marshall T.H.* *Class, Citizenship and Social Development.* Garden City ; New York : Doubleday & Company, 1964. 356 p.